

Г.А. Князев

О Чехове
литературный очерк

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Г11

Г11 **Г.А. Князев**
О Чехове: литературный очерк / Г.А. Князев – М.: Книга по Требованию, 2014. –
50 с.

ISBN 978-5-517-98580-4

ISBN 978-5-517-98580-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Блнстала въ сумеркахъ звѣзда
 И сквозь вишневый садъ
 Роняла въ зеркало пруда
 Съ небесъ лучистый взглядъ.
 И тѣни хмуря толпой
 Сходились къ берегамъ,
 Скользя неслышною стопой
 По бархатнымъ лугамъ.
 И тихо плакали въ мечтахъ
 О счастье на землѣ,
 И садъ вишневый, весь въ цвѣтахъ,
 Томился въ полутьмѣ.
 Но вдругъ исчезла, словно сонъ,
 Прекрасная звѣзда,
 И тускты стали небосклонъ
 И зеркало пруда...

Такъ отозвался поэтъ ¹⁾ на пришедшую лѣтомъ 1904 г. изъ чужбины вѣсть о кончинѣ въ ночь со 2-го на 3-ье іюля въ германскомъ курортѣ Баденвейлерѣ Ант. Павл. Чехова, и критическое изученіе творчества покойнаго писателя вполне оправдываетъ эту подсказанную непосредственнымъ чувствомъ поэтическую характеристику его. Въ лицѣ покойнаго сошла въ могилу крупная литературная сила родины и замѣчательный художникъ родного слова. Смерть постигла писателя на 45 году его жизни, въ пору полного расцвѣта его прекраснаго дарованія:

¹⁾ *Е. Чернобаевъ*. «Въ вишневомъ саду». Памяти А. П. Чехова: «Миръ Божій», окт. 1904 г., стр. 30.

образование получилъ въ московскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ. Выборъ факультета былъ сдѣланъ, повидимому, случайно; по крайней мѣрѣ, въ своей автобіографіи ¹⁾ покойный писатель отказывается припомнить, какими именно соображеніями руководствовался онъ въ данномъ случаѣ, но занятія науками избранной специальности, по его собственному признанію, имѣли серьезное вліяніе на его литературную дѣятельность: занятія медицинскими науками, говоритъ Чеховъ, «значительно раздвинули область моихъ наблюденій, обогатили меня знаніями, истинную цѣну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ врачъ; они имѣли также и направляющее вліяніе, и, вѣроятно, благодаря близости къ медицинѣ мнѣ удалось избѣжать многихъ ошибокъ. Знакомство съ естественными науками, съ научнымъ методомъ всегда держало меня насторожѣ, и я старался, гдѣ было возможно, соображаться съ научными данными, а гдѣ невозможно, предпочиталъ не писать вовсе. Замѣчу кстати, что условія художественнаго творчества не всегда допускаютъ полное согласіе съ научными данными; нельзя изобразить на сценѣ смерть отъ яда такъ, какъ она происходитъ на самомъ дѣлѣ. Но согласіе съ научными данными должно чувствоваться и въ этой условности, т. е. нужно, чтобы для читателя или

¹⁾ Сообщена была, послѣ кончины писателя, г. Россолимо въ одномъ изъ юльскихъ номеровъ «Русскихъ Вѣдомостей» за 1904 годъ, перепечатана въ «Мірѣ Божіемъ», авг., 1904 г. («На родинѣ», стр. 42).

зрителя было ясно, что это—только условность и что онъ имѣеть дѣло со свѣдущимъ писателемъ... Къ беллетристамъ, относящимся къ наукѣ отрицательно, я не принадлежу, и къ тѣмъ, которые доходятъ до всего своимъ умомъ, не хотѣлъ бы принадлежать»... Внутреннее развитіе личности писателя шло, по свидѣтельству лицъ, близко знавшихъ его, съ поразительною быстротою. Въ гимназін, по словамъ одного изъ товарищей ¹⁾, это былъ «небольшого роста плотный, хорошо унитанный мальчикъ, съ низкоостриженной головой и бѣлымъ лунообразнымъ, пухлымъ, какъ булка, лицомъ», съ вялой походкой, флегматическими движеніями, съ улыбкою на губахъ, не отличавшійся никакими особенными дарованіями; «держался онъ не то, чтобы сосредоточенно, съ печатью думы на челѣ», какъ подобало бы будущей знаменитости, а скорѣе полувяло, полужастѣнчиво, съ тою осмотрительностью въ поступкахъ, которая съ годами превратилась у него въ драгоцѣнный житейскій тактъ, привлекавшій къ нему людей и ограждавшій его отъ злобствующихъ недоброхотовъ». Въ 1884 году, въ годъ окончанія курса въ университетѣ, Чеховъ, по словамъ того же своего гимназическаго товарища, «былъ неузнаваемъ»: это былъ «высокій, стройный юноша, съ веселымъ, открытымъ и необыкновенно симпатичнымъ лицомъ»; въ обращеніи поражала внушительная степенность, хороший тонъ, ровность и привѣтливость: «онъ ни суетился, ни радушиничалъ, ни старался во что бы то ни стало быть остроумнымъ и интереснымъ; но отъ него такъ и вѣяло самоцвѣтностью, умомъ, привлекательностью»... Пять лѣтъ спустя, лѣтомъ 1899 года, автору воспоминаній, изъ которыхъ были только что приведены выше выдержки, случилось снова встрѣтиться съ покойнымъ писателемъ: «при первомъ взглядѣ на Чехова, говоритъ Сергѣенко, передо мною какъ бы пронеслась въ воздухѣ раненная чайка. Чеховъ былъ милъ, привѣтливъ, съ теплотою говорилъ о

¹⁾ Литературныя и популярно-научныя приложенія къ «Нивѣ», окт., 1904 г.: «О Чеховѣ», воспоминанія *Сергѣенка* (стр. 203—271).

минувшихъ дней, пользовался всякимъ случаемъ, чтобы сказать какую-нибудь шутку. Но это уже былъ не тотъ, не московскій Чеховъ, не милый Антоша Чехонте (такъ звали Чехова товарищи въ гимназiи). Что-то отлетѣло отъ него. Что-то поблекло въ немъ. Около глазъ появились излучины. Привычка вертѣть пушокъ на бородѣ замѣнилась тихимъ перебираниемъ волосковъ на усахъ, особенно, когда онъ слушалъ. А по молодому и все еще миловидному лицу отъ времени до времени пропослалась какая-то тѣнь». . . Въ личныхъ отношенiяхъ Чеховъ, по общимъ отзывамъ лицъ, его знавшихъ, всегда оставался милымъ, привѣтливымъ, желаннымъ; свѣжій, плѣнительный и безобидный юморъ никогда не покидалъ его, составляя характерную черту его духовной природы, но роковой недугъ, о которомъ онъ не могъ не знать, хотя подчасъ не хотѣлъ вѣрить въ его злокачественность, съ постояннымъ грознымъ *memento mori*, и отрицательныя явленiя современной русской жизни въ предѣлахъ наблюденiй надъ нею, доступныхъ для покойнаго мыслителя-художника, при наличности у него природжденной жалости ко всемъ несчастнымъ и угнетеннымъ житейской тяготой, налагали тѣни на «ясную», по выраженiю Сергѣенка, «лазурь его души». . . Это сказывалось, конечно, и не могло не сказываться, и на литературныхъ произведенiяхъ писателя, ограничивая въ извѣстной степени вышшiе предѣлы его поэтического кругозора, опредѣляя сферу его творческихъ наблюденiй и создавая въ господствующихъ тонахъ содержания и художественнаго представленiя своеобразное, такъ называемое, *чеховское* настроенiе, но отнюдь не стѣсняло внутренней свободы творчества. Внутренняя потребность этой свободы слышится уже и въ приведенномъ выше признанiи писателя о важномъ значенiи для него, какъ для художника, его научнаго образованiя и усвоеннаго, благодаря этому послѣднему, научнаго метода; о томъ же свидѣтельствуютъ и приводимыя Сергѣенкомъ въ своихъ воспоминанiяхъ слова покойнаго: «я не могу описывать переживаемаго мною; я долженъ отойти

отъ впечатлѣнія, чтобы изобразить его»... Профессоръ Овсянко-Куликовскій ¹⁾ опредѣляетъ художественный методъ творчества Чехова, какъ односторонній, свободно предопредѣляемый художникомъ, предвзятый подборъ чертъ, характеризующихъ изображаемое лицо въ его общемъ значеніи, или нѣкоторый душевный укладъ при извѣстномъ освѣщеніи, большею частью при помощи необыкновенно тонкаго и мѣткаго психологическаго анализа: «въ результатѣ, по словамъ названнаго критика, получается сильный и своеобразный художественный эффектъ»... Путемъ яркаго художественнаго освѣщенія, направленнаго на избранныя черты привлекающаго творческаго вниманія художника даннаго явленія жизни. Чеховъ «выдѣляетъ изъ хаоса явленій, представляемыхъ дѣйствительностью, извѣстный элементъ и слѣдитъ за его выраженіемъ, его развитіемъ въ разныхъ натурахъ, какъ химикъ, выдѣляя какое-либо вещество, изучаетъ его дѣйствіе, его свойства въ различной средѣ»: частное, представляющееся съ перваго взгляда случайнымъ, обобщается и приобретаетъ глубокаго смысла и общее значеніе... Въ этомъ отношеніи въ творествѣ Чехова есть общее съ Гоголемъ, Салтыковымъ, Достоевскимъ; отличие его отъ первыхъ двухъ заключается въ томъ, что Чеховъ, по основному тону своихъ произведеній, какъ справедливо замѣтилъ о немъ Альбовъ, совсѣмъ не сатирикъ, такъ какъ слишкомъ чутокъ къ боли, а отъ Достоевскаго онъ отличается въ основномъ душевномъ движеніи, на которомъ обосновывается подборъ указанныхъ чертъ у того и другаго изъ нихъ. Ардовъ ²⁾ представилъ весьма интересный фактическій примѣръ художественной работы Чехова, вполне отвѣчающій данному выше критико-теоретическому опредѣленію ея характера. Въ своемъ разсказѣ «Перекасти-поле» Чеховъ изобразилъ неугомоннаго скитальца, не имѣющаго ни своего угла, ни опредѣленнаго

¹⁾ Вопросы психологій творчества, ст. «А. П. Чеховъ».

²⁾ Русь, 1904 г., № 256, фельетонъ: «Живой оригиналь «Перекасти-поле».

положенія, ни даже опредѣленнаго куска хлѣба, неутомимо измѣряющаго пѣшкомъ громадныя разстоянія въ поискахъ, гдѣ лучше, съ постоянными сомнѣніями въ душѣ, тоскою по семьѣ и родицѣ, и страхомъ одиночества, скитальца въ силу присущаго ему безпокойнаго духа, «который бросаль его, какъ щепку, изъ города въ городъ, и который онъ, по общепринятому шаблону, называль стремленіемъ къ просвѣщенію»... Онъ еврей, выкрестъ, незадолго до встрѣчи съ авторомъ принявшій православіе, бѣжалъ отъ фанатиковъ—родителей изъ Могилевской губерніи въ Смоленскъ, напаялся было въ подмастерьи къ родственнику, лудильщику посуды и жестянику, въ надеждѣ на досугъ по субботамъ учиться, но, какъ безпаспортный, былъ отправленъ по этапу назадъ къ отцу; родители наказали его и отдали дѣдушкѣ, опять таки еврею-фанатику, на исправленіе; онъ снова ночью ушелъ въ Шкловъ, оттуда опять въ Могилевъ, затѣмъ въ Стародубъ, перебивалъ въ Гомель, Кіевѣ, Бѣлой Церкви, Умані, Балтѣ, Бендерахъ, наконецъ попалъ въ Одессу; послѣ неудачныхъ попытокъ устроиться здѣсь, уѣхаль въ Перекопъ, гдѣ какой-то грекъ обѣщаль дать ему мѣсто, отсюда попалъ въ Полтаву; изъ Полтавы съ письмомъ отъ одного студента-еврея къ харьковскимъ студентамъ пошелъ учиться въ Харьковъ, сталъ готовиться въ ветеринарный институтъ, чтобы, по окончаніи курса въ немъ, имѣть возможность поступить на третій курсъ медицинскаго факультета, но отказался отъ этого намѣренія въ виду неопредѣленности своего положенія въ данный моментъ и приѣзда въ Харьковъ матери, разыскивавшей его; онъ поступилъ въ горное училище на донецкой дорогѣ, рассчитывая по окончаніи курса въ немъ устроиться какъ нибудь штейгеромъ, но во время практическихъ занятій упалъ съ бадьей въ шахту, расшибся, заболѣлъ, долженъ былъ оставить училище, держаль затѣмъ экзаменъ на сельскаго учителя, принялъ въ Новочеркасскѣ православіе и въ моментъ, къ которому относится рассказъ, рассчитываль получить обѣщанное уже ему мѣсто въ церковно-приходской школѣ, для чего недѣли

через двѣ собирался отправиться изъ Святыхъ Горъ, гдѣ встрѣтился съ нимъ авторъ, пѣшкомъ до Славянска, потомъ по желѣзной дорогѣ до Никитовки, оттуда пѣшкомъ до Хацепетовки и т. д. Ардовъ случайно познакомился съ человѣкомъ, съ котораго Чеховъ написалъ своего «Перекати-поле»: онъ оказался служащимъ въ одной хлѣбной конторѣ въ Ростовѣ... Изъ разговора съ нимъ оказалось, что рассказъ Чехова не только правдивъ, но и таковъ, что человѣкъ, съ котораго онъ былъ написанъ, прямо дивился, какъ писатель могъ въ короткій срокъ такъ узнать его; но мелкія подробности авторомъ прибавлены. Такъ, въ дѣйствительности, оказывается, г. С. говорилъ Чехову только о своемъ побѣгѣ изъ родного дома, о томъ, какъ онъ ходилъ или ѣздилъ въ Харьковъ учиться, и какъ потомъ очутился въ Донецкомъ бассейнѣ въ школѣ штейгеровъ; больше г. С. нигде не ходилъ и не ѣздилъ. А Чеховъ заставилъ его, какъ было сказано, побывать и въ Полтавѣ, и въ Одессѣ, и въ Перекопѣ, и еще въ разныхъ мѣстахъ, и это вышло такъ правдиво-типично, что самому г. С. показалось, что изобразившій его писатель знаетъ его жизнь лучше, нежели онъ самъ; получился *скиталець*. Затѣмъ г. С. говорилъ Чехову, что онъ разбился во время своего пребыванія въ горномъ училищѣ, упавъ въ обыкновенный колодезь; писатель замѣнилъ колодезь шахтой, и отъ этой перемѣны простая случайность получила типическій характеръ. Вообще, передъ Чеховымъ былъ только намекъ, туманныя очертанія, и вотъ два-три штриха, и возникъ художественный типъ... Перемѣна вѣры отцовъ была, повидимому, обусловлена у г. С. соображеніями чисто матеріальнаго свойства, нежеланіемъ, какъ говорится отъ лица его въ рассказѣ «Перекати-поле», « всю жизнь биться изъ-за куска хлѣба, болтаясь въ грязи», и Чеховъ, конечно, догадывался объ этомъ, замѣчая, что его собесѣдникъ страшно волновался, когда дѣлаемы были попытки узнать причины, побудившія его на сдѣланный имъ смѣлый и серьезный шагъ въ указанномъ направленіи, и твердилъ только одно, что «Новый Завѣтъ есть

естественное продолженіе Ветхаго», что іудаизмъ отакмль свой вѣкъ; въ интересахъ тишиности образа писатель однако объяснль эту уклончивость отсутствіемъ у самого собесѣдника яснаго сознанія причинъ, которыя его побудили поступить въ данномъ случаѣ именно такъ и не иначе и которыя коренились въ присущемъ ему безпокойствѣ духа вообще...

Обращаюсь къ характеристикѣ поэтическаго міровоззрѣнія Чехова. Не долго онъ жилъ, но богатое духовное наслѣдство оставилъ по себѣ отчизнѣ. Писать онъ началъ рано, еще на студенческой скамьѣ, и въ 1884 году у него уже имѣлась цѣлая книжка разсказовъ, подъ заглавіемъ «Сказки Мельпомены»; вышедшее въ свѣтъ въ 1901—1902 г. собраніе его сочиненій составляетъ десять томовъ. Настроеніе Чехова и отношеніе его къ жизни, характеризующія, въ общемъ, произведенія начальнаго періода его литературной дѣятельности, были бодры, жизнерадостныя; замѣчаемыя несовершенства жизни привлекали къ себѣ вниманіе писателя преимущественно смѣшными ихъ сторонами, и онъ смѣялся надъ ними въ своихъ раннихъ разсказахъ веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ. Но скоро въ этомъ смѣхѣ начинаютъ уже слышаться сдѣлавшіяся позднѣе характерными для автора скорбныя ноты... Такъ, уже въ раннихъ своихъ разсказахъ Чеховъ начинаетъ говорить о тяжкомъ безправіи и грубомъ неуваженіи человѣческой личности, граничащемъ подчасъ съ нравственнымъ одичаніемъ... Въ разсказѣ «Переполохъ» барышня, хозяйка дома, у которой пропала брошка, не только обыскиваетъ лично всю прислугу, раздѣвая всѣхъ до-гола, но не стѣсняется даже произвести обыскъ у гувернантки, молодой дѣвушки, дочери учителя, только что окончившей курсъ въ институтѣ; она «бѣднячка», хотя и «ученая», «хоть и барышня, по словамъ горничной Лизы, а все же... какъ бы прислуга»,—стало-быть, что же съ нею стѣсняться? Когда мужъ барыни замѣтилъ ей въ разговорѣ, что она по закону не имѣла права дѣлать такого обыска, она кричитъ: «я не знаю вашихъ законовъ; я только знаю, что у меня пропала брошка, вотъ и все. И я найду эту брошку!—

она ударила по тарелкѣ вилкой (дѣло происходило за столомъ, въ присутствіи гостей), и глаза ея гнѣвно сверкнули. — А вы ѣшьте и не вмѣшивайтесь въ мои дѣла... Въ разсказѣ «Художество» слышится убѣжденіе въ возвышающемъ нравственномъ значеніи для самосознанія личности труда на общую пользу, участія въ общемъ дѣлѣ: Сережка «самъ по себѣ ничтожество, лѣнтяй, пьянчуга и мотъ», но, когда онъ строитъ, какъ не можетъ построить никто другой, іордань для водосвятія въ Крещеніе, онъ въ глазахъ всѣхъ «уже нѣчто высшее, Божій слуга», всѣ ему «сочувствуютъ, величаютъ Сергѣемъ Никитичемъ», потому что «всѣ чувствуютъ, что художество есть не его личное, а общее, народное дѣло», и въ гулѣ громкихъ выраженій восторга и одобренія тысячной толпы, устремившей на него сочувственные взоры, подъ праздничный трезвонъ колоколовъ и пальбу изъ ружей при погруженіи креста въ воду, «душа лѣнтяя наполняется чувствомъ славы и торжества»... Съ этой точки зрѣнія особенно грустный смыслъ получаетъ въ глазахъ автора замѣчаемое имъ вокругъ себя отсутствіе въ людяхъ внутренней потребности труда и истиннаго пониманія его духовнаго значенія, соединенное нерѣдко съ притупляющимъ человѣческую личность мелочнымъ деспотизмомъ въ отношеніяхъ къ тому, для кого ихъ трудъ можетъ непосредственно представлять тотъ или другой интересъ: Сережка въ упомянутомъ разсказѣ принимается за дѣло съ досадой, съ сердцемъ; ему лѣнь; онъ всячески ломается, капризничаетъ надъ безотвѣтнымъ, кроткимъ Матвѣемъ, церковнымъ сторожемъ, на котораго взваливаетъ всю тяжелую, черную работу; тѣшится тѣмъ особымъ положеніемъ, въ какое поставила его въ данный моментъ судьба, «давшая ему рѣдкій талантъ удивлять разъ въ годъ весь міръ своимъ искусствомъ», и грозитъ и попрекаетъ: «я не обязанъ на васъ работать; возьму и не стану дѣлать, — погляжу, какъ вы безъ меня тутъ»... Въ разсказѣ «Тесс!» мелкій газетный сотрудникъ Краснухинъ, принимаясь поздно ночью писать, прежде чѣмъ приступитъ къ работѣ, долго кокетничаетъ передъ собою исключительною тягостью и неблагодарностью труда писателя, строго на-

казываетъ женѣ, чтобы ему никто не мѣшалъ: «нельзя писать, если ревуть дѣти, хранить кухарки»; слышитъ во время работы въ сосѣдней комнатѣ сдержанный молитвенный шопотъ мыльца и кричитъ: «не угодно ли вамъ потише молиться: вы мнѣ мѣшаете писать»; жалуется, что онъ одинъ въ домѣ долженъ работать, когда люди спятъ, и будитъ жену, чтобы ему поставили самоваръ—безъ чая онъ не можетъ писать—и приготовили бифштексъ; утромъ, когда онъ спитъ послѣ ночной работы, никто въ домѣ не смѣетъ ни говорить, ни ходить, —«тссс»... носится въ квартирѣ»... Вниманіе писателя привлекаютъ къ себѣ обусловленные указаннымъ отношеніемъ къ труду разные «торжествующіе побѣдители» въ житейской борьбѣ, и въ разказахъ, имѣющихъ ихъ предметомъ своего содержанія, уже ясно сквозь смѣхъ слышатся сдержанныя слезы оскорбленнаго несправдой жизни сердца вдумчиваго человѣка, а подчасъ открывается такая бездна нравственнаго паденія человѣческой личности въ данныхъ условіяхъ общественности, что для смѣха не остается мѣста, смѣшного не видно изъ-за грустнаго. Эти «торжествующіе побѣдители» пользуются занятымъ ими преимущественнымъ передъ другими положеніемъ, чтобы топтать въ грязь тѣхъ, кто остался ниже ихъ: въ свое время имъ въ борьбѣ за существованіе пришлось вытерпѣть не мало тяжкихъ оскорбленій и обидъ отъ тѣхъ, кто былъ ихъ выше, и теперь, въ свою очередь, они рады потѣшиться надъ другими. Такъ Козулникъ въ разказѣ «Торжество побѣдителя», позвавъ къ себѣ подчиненныхъ на блины, приказываетъ послѣ обѣда гостямъ бѣгать вокругъ стола и пѣть пѣтушкомъ, заставляетъ своего бывшего начальника-старика ѣсть хлѣбъ съ перцемъ и «представлять трагедію», и тотъ кричится и дребезжающимъ голосомъ выкрикиваетъ: «умри, вѣроломная, —крррови жажду!» «Всякія перемѣны бываютъ, замѣчаетъ при этомъ герой разказа—«торжествующій побѣдитель»—тогда ты, а теперь я»... Милліонеръ, фабрикантъ Пятигоровъ въ разказѣ «Маска» обращаетъ читальню въ кабакъ, если не хуже, и выгоняетъ «къ свиньямъ собачьимъ» не узнавшихъ его въ маскѣ мѣстныхъ «интеллигентовъ»,